

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПСИХОЛОГИИ ДУХОВНОСТИ

В.В. ЗНАКОВ

Институт психологии РАН, Москва

Представлен новый взгляд на духовность человека как трехкомпонентное психическое образование, имеющее метаперсональные, деятельностные и духовно-практические основания. Проанализированы нерелигиозные психологические стороны духовности, которые присущи всем людям, верующим и неверующим. На основании исследований по психологии духовности за последние два десятилетия сделан вывод, что в социогуманитарном познании интерес к этой проблеме растет. Приведены принципиально различные определения и описаны модели духовности. Обосновано, что духовность, самое человеческое в человеке, отличающее его от остального живого, является комплексным и даже системным феноменом. Она целостна, интегративна, и потому бессмысленно искать ее в отдельных компонентах психического: межличностном пространстве субъект-субъектных взаимодействий, деятельностных преобразованиях внутреннего мира человека или трансценденции. Парадоксальность этого феномена заключается в том, что ни деятельность, ни межперсональность, ни трансценденция это еще не духовность. Каждая из них становится составляющей духовности только во взаимодействии с другими, когда они образуют такое единое целое, которое отлично от содержания названных компонентов психики субъекта, анализируемых в контекстах иных психологических исследований.

В современной психологии развивается теоретическое и концептуальное представление о метаперсональной самоинтерпретации субъекта. Она определяется как идентичность, выходящая за пределы индивидуального Я и охватывающая более широкие аспекты бытия, такие как человечество, жизнь, психика или космос. При метаперсональной самоинтерпретации субъект ощущает свою неразрывную связь со всем человечеством и осознает себя частью природного и социального мира. С этой точки зрения психологи ищут истоки формирования духовности не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей. Для формирования и развития духовности помимо выхода в пространство межсубъектных взаимодействий, а также обращения к трансцендентному нужна теоретическая и практическая деятельность. Посредством деятельности субъект выявляет глубинные сущностные свойства объектов и предметов, освобождаясь от «вещного плена». В процессе деятельности, в частности эстетической, человек одухотворяет их и наделяет личностными смыслами и ценностями. Вследствие этого искусство является важнейшим способом как постижения человеческого бытия, так и порождения духовного Я преобразующего себя человека. Формирование духовности как углубления в себя, постижения сущности человека и человечества, а также направленности на выход за свои пределы, стремления к возвышенному требует от субъекта деятельности по самотрансформации. Такая самотрансформация происходит с помощью духовно-практического знания.

Ключевые слова: субъект, духовность, трансценденция, духовно-практическое знание.

В 1998 г. в журнале «Вопросы психологии» была опубликована статья, в которой проанализированы четыре основных направления исследований духовности. В исторически первом религиозном направлении источники происхождения духа ищутся не в человеке (его сознании, созерцании, постижении, продуктах деятельно-

сти), а в божественном откровении, вере в то, что духовность — от Духа Святого. Во втором направлении ученые осуществляют поиски корней духовности не столько в самом человеке, особенностях его психологии, сколько в продуктах жизнедеятельности: объективации высших проявлений человеческого духа, творчества в памятниках

старинных, произведениях науки и искусства. С этой точки зрения, духовность субъекта – результат его приобщения к общечеловеческим ценностям, духовной культуре, а дух прежде всего категория культурологическая, мировоззренческая. В рамках третьего направления исследований психологи акцентируют внимание на изучении ситуативных и личностных факторов, способствующих возникновению у человека духовных состояний. Духовное состояние – это психологический феномен, характеризующийся тем, что человек временно «не замечает» внешнего мира, не ощущает своих органических функций, своей телесности, а сосредоточивается на осмыслении и переживании духовных ценностей, т.е. познавательных, этических или эстетических аспектов человеческого бытия. Наконец, в четвертом направлении духовность рассматривается как принцип саморазвития и самореализации человека, обращения к высшим ценностным инстанциям конструирования личности. Развитие и самореализация духовного Я субъекта начинаются тогда, когда он осознает необходимость определения для себя того, как он конкретно должен понимать общечеловеческие духовные ценности – истину, добро, красоту. Появление у человека хотя бы приблизительного осознанного представления о последних свидетельствует не только о признании субъективной значимости духовных ценностей (соответственно интеллектуальных, этических и эстетических), но и о психологической готовности к их усвоению и формированию (Знаков, 1998).

За прошедшие два десятилетия интерес к проблеме духовности не угас, напротив, есть много признаков, по которым можно судить о том, что в социогуманитарном познании он неуклонно возрастает (Де Чикко, 2007; Davis et al., 2009; King, Mara, DeCicco, 2012; Salem et al., 2013). Как показывает анализ литературы, в категориальном смысле, т.е. с точки зрения

определения понятий, пожалуй, наиболее сложным является вопрос о разграничении содержания «духовности» и «религиозности» (Малькова, 2018; Ivztan et al., 2013; Murray, Ciarracchi, Murray-Swank, 2007). Религиозность чаще всего определяется посредством указания на организационные и институциональные стороны поведения людей: она представлена индивидуальными убеждениями и исполнением обрядов, религиозных практик, а духовность включает личные и трансцендентные аспекты (Barry et al., 2010).

Светское и религиозное направления современного переосмысления феномена духовности характеризуются двумя общими признаками. Во-первых, в определениях духовности содержится указание на необходимость хотя бы временного абстрагирования человека от своей телесности, физической природы. «Духовное бытие начинается и существует там, где начинается освобождение человека от всякой поглощенности, от оккупации чужой и, главное, собственной самостью» (Буралева, 2011, с. 189). Отвлечение от личного Я предполагает выход за его пределы, трансценденцию, направленность на высшие ценности человеческого бытия (истину, добро, красоту и др.). Чтобы достичь духовного состояния, субъект должен стремиться превзойти себя такого, каков он сейчас есть. Во-вторых, духовность основана на работе над собой, и потому неудивительно, что в психологических исследованиях проявляется такой интерес ученых к внутреннему миру человека, который предполагает его преобразование, самотрансформацию. Целью преобразования является «духовная трансформация, начинающаяся на индивидуальном уровне» (Руткевич, 2014а, с. 6). В процессе духовной трансформации человек одновременно и углубляется в себя, и выходит за свои пределы. Таким способом от фактической стороны эмпирической реальности он переходит к осознанию более широкого

контекста человеческого бытия, постижению иных по сравнению с познанием, более глубоких пластов мира человека. В этом контексте духовность можно определить как универсальный опыт, с помощью которого люди способны время от времени обращаться как к возвышенному, так и к глубинной содержательной сути и человека, и человечества (Farias, Hense, 2008).

Вместе с тем нельзя не заметить не только общего, но и различного — неодинаковости толкования содержания духовности в публикациях светского и религиозного направлений.

В светском направлении религиозность и духовность анализируются как самостоятельные, нетождественные конструкции (Pappas, 2004). Духовность отделяется от религиозности или даже противопоставляется ей (Moberg, 2010). Многие ученые отмечают, что сегодня «быть духовным» не обязательно означает «быть религиозным». «Появление и укоренение “духовности”, “постсовременной духовности” в современной жизни означает поворот от “института к индивиду”, от традиции, церковности — к человеческой субъективности, к самореализации, внутреннему миру человека, для которого главный авторитет — он сам. Это переход от трансцендентности к имманентности, от авторитета высших сил, Бога, церкви, посредников — к самому человеку» (Руткевич, 2014б, с. 53). Замечу, что во многом на тех же основаниях построена современная психология субъекта (Брушлинский, 2006). Психологи, согласные с содержательным различием феноменов религиозности и духовности, активно изучают их поведенческие проявления. В частности, обнаружены различия в типах просоциального поведения: люди с высокой степенью религиозности нередко демонстрируют помогающее поведение по отношению к близким, но не к чужим, а субъекты с высокой степенью духовности (по психометрическим показателям) чаще помога-

ют не только близким, но и незнакомцам (Saroglou et al., 2005). Духовность положительно связана со здоровьем человека, ее связи с физическим и психологическим функционированием комплексны и разнонаправленны (MacDonald, Friedman, 2002). Когнитивная духовная направленность и духовный опыт положительно коррелируют с альтруизмом и эмпатией. У людей с высокими психометрическими показателями духовности более высокий уровень самореализации, устойчивости Я и ниже оценки по шкалам депрессии (Huber II, MacDonald, 2012).

Иначе духовность трактуется в религиозном направлении. В традиционном религиозном смысле «духовность тесно связана с понятием “Духа”, с “духовной жизнью”, которая в целом понимается как мера восхождения человека к Богу (Абсолюту, Божеству, Духу) и единения с ним» (Руткевич, 2014а, с. 21). Духовный субъект наполнен Божественным духом и свободен от страстей. Собственно духовная сторона его жизни заключается в процессе преобразования «внутреннего» человека по божественному образцу. Вместе с тем «дух есть то, что связывает отдельного индивида, субъекта психической деятельности, личность человека со всем человеческим родом во всей развертке его культурного и исторического бытия. Духовность придает смысл жизни отдельному человеку, в нем человек ищет и находит ответы на вопросы: зачем он живет, каково его назначение в жизни, что есть добро и зло, истина и заблуждение, красивое и безобразное и т.п.» (Слободчиков, 2014, с. 81).

В российской психологии XXI в. проблема духовности неоднократно и весьма обстоятельно обсуждалась христианскими психологами (Василюк, 2014; Слободчиков, 2014; Христианская психология..., 2017). Я человек неверующий (не воинственный атеист, а рационалист, не принимающий для себя веру в Бога только потому, что нет достаточно четких доказательств

существования Бога). Однако как ученый я с искренним уважением отношусь к богословию, теологии. Например, из исповеди Блаженного Августина (Августин, 1991) можно узнать о внутреннем мире человека, его самопознании, самопонимании, пожалуй, не меньше, чем из современных хрестоматий по психологии сознания и личности. Именно поэтому проблема духовности меня очень интересует. Вместе с тем не стоит пытаться анализировать содержание этого понятия с позиций христианской психологии: есть квалифицированные психологи, которые сделают это лучше меня.

Цель статьи – проанализировать нерелигиозные психологические стороны духовности, которые присущи всем людям, верующим и неверующим.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ И МОДЕЛИ ДУХОВНОСТИ

Сложность и аналитическая глубина содержания обсуждаемого феномена неизбежно порождают множественность его определений и контекстов употребления. Сегодня духовность анализируется как усвоение ценностей, выход за пределы индивидуальности, образованность, способ борьбы с кризисом культуры (бездуховностью), поиски идеала и т.п. (Колкунова, Малевич, 2014). «Духовность как потенциальная сущность личности, обеспечивающая и одновременно стимулирующая развитие и саморазвитие, лежит в основе освоения социального опыта, таким образом реализуя задачу преобразования себя. Значит, духовность является результатом становления, одновременно обеспечивая сам процесс становления духовной личности. Это одна из причин неоднозначности понимания природы духовности» (Григорова, 2018, с. 103). С точки зрения психологического анализа интересным и продуктивным является подход, в котором духовность рассматривается как метасистемное свойство самоорганизации вну-

треннего мира человека: «Духовность как психологическое явление в разнообразных формах выражения охватывает все сферы психики, характеризуя высшую степень их развитости (когнитивную, регулятивную, аффективную). Высшая степень развитости духовных свойств и качеств человека раскрывается в деятельности, в поступках человека и духовных переживаниях целостности и единства с высшей реальностью – метасистемой» (Яссман, Яссман, 2011, с. 6). На духовности как неотъемлемой составляющей психики человека, не связанной с какими-то высшими силами, неоднократно настаивал А.В. Брушлинский. Он подчеркивал, что духовное – «это не **над**психическое, а различные качества *психического* как важнейшего атрибута *субъекта*» (Брушлинский, 2006, с. 601).

Из российских монографических психологических исследований заслуживает внимания фундаментальная книга Г.В. Ожигановой (2016): в ней проблема духовности проанализирована глубоко и разносторонне, представлена трехуровневая интерактивная психологическую модель духовности. Модель охватывает три важнейших аспекта духовности (моральный, ментальный, трансцендентный) и включает как нерелигиозную, так и религиозную сферы.

1. Ценностно-нравственный уровень (гуманистически ориентированное добродетельное поведение, жизненные смыслы и цели, направленные на благо других людей, служение людям, человечеству).

2. Ментальный уровень, связанный с особой работой ума и сознания: рефлексивность, измененные состояния сознания; внутренний опыт, связанный с глубокой релаксацией, с позитивными процессами углубления и расширения самосознания; пиковые переживания, связанные с творческой работой, и др.

3. Сакрально окрашенный уровень: духовные практики, ориентированные на встречу с высшей реальностью; духовная жизнь, связанная с определенной

религиозной конфессией; измененные (трансцендентные) состояния сознания и внутренний опыт духовно-религиозного характера; возвышенные трансцендентные переживания нерелигиозного характера.

«Особое значение в психологической модели духовности имеют трансцендентные состояния сознания и внутренний опыт, которые служат, во-первых, мостом между нерелигиозной и религиозной духовностью, во-вторых, представляют собой психологическую реальность, отражающую духовно-религиозную жизнь человека, и могут фиксироваться и исследоваться в психологической науке в виде описаний этих состояний и опыта» (Ожиганова, 2016, с. 81).

Зарубежные ученые обсуждают проблему духовности применительно к самым разным профессиональным сферам человеческой жизни: как ключевого фактора в совладании иранскими военными с последствиями отравления горчичным газом (Ebadi et al., 2009), как понимание духовной помощи турецкими медсестрами (Çetinkaya, Azak, Dündar, 2013) и др. В теоретическом контексте проблема духовности нередко обсуждается в связи с описанием и измерением духовного интеллекта (King, DeCicco, 2009). Значительные усилия направляются и на построение факторных моделей духовности. Например, Д.А. Макдоналд разработал пятифакторную модель, основанную на теоретическом и статистическом анализе 18 репрезентативных характеристик обсуждаемого феномена. Факторами описываются: 1) когнитивная ориентация на духовность (это измерение относится к тому, что выражается нерелигиозными средствами, в частности, включает убеждения, установки и представления о значимости духовности для повседневной жизни); 2) духовный опыт; 3) экзистенциальное благополучие; 4) вера в сверхъестественное; 5) внутренняя религиоз-

ность: участие в религиозных верованиях и практике ради самого себя (MacDonald, Friedman, 2002).

Таким образом, из анализа научной литературы следует, что духовность не сводится к чему-то одному, например способности к рефлексии или ориентации на трансцендентные стороны человеческого бытия. Ниже проанализированы три составляющие обсуждаемого феномена, описание которых отсутствует в современной научной литературе: метаперсональные, деятельностные и духовно-практические основания духовности.

МЕТАПЕРСОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДУХОВНОСТИ

Сегодня в различных областях психологии (социальной, кросскультурной, трансперсональной, психологии личности) развивается теоретическое и концептуальное представление о метаперсональной самоинтерпретации субъекта. Она определяется как идентичность, выходящая за пределы индивидуального Я и охватывающая более широкие аспекты бытия, такие как человечество, жизнь, психика или космос. При метаперсональной самоинтерпретации субъект ощущает свою неразрывную связь со всем человечеством и осознает себя частью природного и социального мира (Mara, DeCicco, Stroink, 2010). Интересно, что психологи ищут истоки формирования психики и субъектных качеств, в том числе духовности (Де Чикко, 2007), не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей.

В этом контексте теоретико-методологический анализ духовности целесообразно осуществлять в том же направлении, в котором психологи изучают сознание. В отечественной психологии сознание и самосознание человека долгое время

рассматривались как производные от его деятельности и общественного бытия. Сегодня точка зрения на происхождение и природу этих феноменов изменилась. В гуманитарных науках распространенным является утверждение о том, что интра- и интерсубъективность сознания и самосознания человека и группы не противостоят друг другу как две разные реальности. Российский философ Ф.Т. Михайлов отмечал, что индивидуальное и общественное сознание «одновременно, как нечто единое, нерасчлененное творятся и творчески воссоздаются обращениями людей друг к другу и к самим себе» (Самосознание..., 1997, с. 2). Сходную точку зрения высказывал В.П. Зинченко. Он говорил о том, что сознание «находится не столько в индивиде, сколько между индивидами. Конечно же, сознание — это свойство индивида, но в не меньшей, если не в большей мере оно есть свойство и характеристика меж- и надиндивидуальных или трансперсональных отношений» (Зинченко, 1991, с. 21).

Духовность также следует рассматривать как порождение «меж- и надиндивидуальных или трансперсональных отношений». Правомерность такого утверждения нетрудно найти, например, в размышлениях Ф.Е. Василюка о типах духовного совладания. Духовное совладание — одновременно и преобразование внутреннего мира субъекта, в частности неизлечимо больного или находящегося в тюремном заключении, и обращение к «внешнему» пространству межличностных отношений. Такой тип совладания возникает в жизни человека, во-первых, при невозможности изменения обстоятельств жизни и осознания необходимости трансформации своего отношения к ним: «У ценностного совладания совсем другое отношение к социальной и физической реальности, где властвует принцип адаптации. Похоже, ценностное совладание не загнипнотизировано этой реальностью, не считает ее последним словом бытия, последней

его границей. Действия ценностного совладания не совершаются в плоскости адаптации, они дают шанс вывести человеческую ситуацию в другое измерение» (Василюк, 2014, с. 143). Страдание от физической боли или ограничения свободы не исчезает, но перестает отторгаться, приобретает иную ценность и получает смысловое оправдание. Ценностное духовное совладание открывает в неблагоприятных жизненных обстоятельствах «вход в новую реальность, в которой эти обстоятельства обретают, быть может, и трагичный, но важный и необходимый для жизни смысл» (Там же, с. 145). Во-вторых, духовное совладание по своей природе синергично: общение с людьми, оказавшимися в такой же ситуации, взаимная поддержка являются важным условием перехода от осмысления только реальных физических обстоятельств к ценностно-духовному осознанию и, в конечном счете, — к преодолению. «При этом меняется характер самого личного переживания, оно становится опосредованным отношениями с другими людьми, включает в свою структуру диалогические акты сочувствия и благодарности, солидарности и взаимности. Переживание приобретает соборный и синергичный характер. И благодаря этому оно становится объективно продуктивным, оно способно производить новую общность, общность людей, объединенных деятельной и сострадательной любовью» (Там же, с. 149).

Следовательно, для формирования и развития духовности нужна работа над собой, активность субъекта, психическая деятельность по преобразованию его внешнего и внутреннего мира, в которой существенную роль играет метаперсональная самоинтерпретация. Такой выход за пределы конкретных физических и социальных обстоятельств жизни соответствует направленности на хотя бы временное приобщение к идеальным духовным основаниям человеческого бытия.

ПОРОЖДЕНИЕ ДУХОВНОСТИ В ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В последние годы и даже десятилетия в отечественной психологии количество публикаций, в названии которых упоминается слово «деятельность», резко сократилось. Сегодня почти нет исследований, методологическим основанием которых действительно является теория деятельности, а методики учитывают ее единицы – мотивы, цели, действия, операции. Некоторую надежду на современное переосмысление оснований психологической теории деятельности дает масштабный цикл исследований А.В. Карпова. В нем «предпринята попытка охватить единым теоретико-методологическим подходом основные аспекты фундаментальной общепсихологической проблемы деятельности, в качестве которых выступает совокупность базовых гносеологических планов исследования – метасистемного, структурного, функционального, генетического и интегративного» (Карпов, 2015, с. 2).

К переосмыслению категории «деятельность» психологов подталкивает и современный контекст социогуманитарного познания. Это следует из публикаций, относящихся к самым разным наукам. Социологи говорят о том, что социокультурная реальность представляет собой «не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов» (Штомпка, 1996, с. 266). Философ и арабист А.В. Смирнов видит логико-смысловую картину арабо-мусульманского мира как многообразие действий, по его мнению, мир состоит не из вещей-субстанций, а из вещей-процессов. Он объясняет это так: «Нам непривычно, быть может, называть вещью процесс. Но если мы понимаем под вещью нечто зафиксированное в качестве основания различения, нечто, способное стать носителем предикатов, то именно процесс должен быть назван здесь вещью.

Процессуальность задает иную архитектонику сознания: оно устроено иначе, это верно; оно по-другому выстраивает полотно осмысленности» (Смирнов, 2015, с. 137). В экзистенциальной психологии со времен М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра известно, что «существование предшествует сущности». Д.А. Леонтьев, анализируя взгляды И. Пригожина, отмечает, что деятельность первична по отношению к психическим образованиям, а «актуальный, протекающий здесь и теперь процесс первичен по отношению к устойчивым структурам, которые являются скорее следствиями этого процесса» (Леонтьев, 2018, с. 11).

Новый ракурс возрождения интереса к субъектно-деятельностным основаниям психики раскрывается при обращении к работам М. Фуко (2011) и П. Адо (2005). Главное в их трудах – не анализ внутренней сущности субъекта, а изучение тех дискурсов, практик, которые они называли духовными. Характер дискурса, практики, т.е., говоря психологическим языком, деятельности, определяет взгляд на изучаемое, специфику развития психики. В этом контексте важнейшую роль начинают играть способы преобразования субъекта, полагания себя. По М. Фуко, субъективность проявляется во внутренних условиях познающего мир человека, прежде всего, в его опыте. Сегодня уже ясно, что нужно не только анализировать развитие знания о человеке как субъекте, но и учитывать, какие дискурсивные практики конституируют матрицу возможного знания, другими словами, как деятельность не только определяет практики, но и зависит от них.

Исторически так сложилось, что сферой человеческой деятельности, духовная сущность которой ни у кого не вызывает сомнения, является искусство. Проблема духовности всегда была актуальна для теории и психологии искусства (Кандинский, 2018; Леонтьев, 1983). С философской точки зрения, «духовность в искусстве – это особое свойство произведения искусства

вызывать у реципиента (или приводить его в) созерцательно-медитативное состояние, отключать его *ratio* и выводить его дух на уровень сверхсознания, когда устанавливается прямой контакт с метафизической реальностью, Универсумом в целом, его духовными основаниями» (Бычков, 2018, с. 81).

А.Н. Леонтьев искал духовные основания искусства, анализируя феномены и категории «эстетическая деятельность», «значение» и «личный смысл». Он полагал, что сущность искусства, понимания любого произведения заключается в переходе от его безразличного, «равнодушного» значения к лично окрашенному смыслу. Искусство «несет в себе, воздействует на людей, передает людям именно самое сильное в регуляции деятельности — смысл. Поэтому искусство не информирует, оно движет людей, подвигает их, в смысле подвига, к жизни. Искусство этим и совершает великую борьбу против утраты смысла в равнодушных значениях» (Леонтьев, 1983, с. 239). Как происходит переход от значения к смыслу? Посредством изменения направленности мышления субъекта: от изучения поверхностных очевидных свойств предметов и объектов к их глубинной сути: «В эстетической деятельности происходит вечная борьба с материалом, его преодоление, снятие его косности» (Там же, с. 238). Искусство — это способ воплощения духовного мира человека. По А.Н. Леонтьеву, искусство и, соответственно, духовный мир не может быть передан и сохранен как знание, информация, т.е. рациональным путем. Истоки духовности — не в познании, а в бытии: «Искусство заставляет человека жить в истине *жизни*, а не истине *вещей*» (Там же, с. 239).

Ранее фактически такое же освобождение от «вещного плена» искали В.В. Кандинский и К.С. Малевич. По В.В. Кандинскому (2018), произведение только в том случае является искусством, если его создателем двигал «принцип внутренней

необходимости». Духовное в искусстве возникает на основе «принципа внутренней необходимости» произведения, без этого нет ни образа, ни искусства. «Кандинский поднял статус художника, предложив зрителю компромисс: он создавал прекрасные, яркие картины в надежде, что мы в ответ удержимся от соблазна свести цвета к известным нам предметам и позволим себе перенестись в воображаемый мир, словно слушая музыку» (Гомперц, 2017, с. 205). Аналогичный тип анализа искусства мы обнаруживаем в работе К.С. Малевича «Мир как беспредметность». Подчеркивая, что человек всегда хочет постигнуть то, что от него скрыто в непонятном, он утверждает: «Беспредметность — единственная человеческая сущность действия, освобождающая от смысла практической предмета как ложной подлинности» (Малевич, 2016, с. 13). Дальнейший ход рассуждений, которым нельзя отказать в логичности, приводит его к радикальному выводу: «Итак, вся предметность — это только извращение действительного, т.е. беспредметного» (Там же, с. 110).

Таким образом, для формирования и развития духовности, помимо погружения в себя, выхода в пространство межсубъектных взаимодействий, а также обращения к трансцендентному, нужна теоретическая и практическая деятельность, посредством которой субъект выявляет глубинные сущностные свойства предметов и вещей. В процессе деятельности, в частности эстетической, человек одухотворяет их и наделяет личностными смыслами и ценностями. Вследствие этого искусство является важнейшим способом как постижения человеческого бытия, так и самосозидания преобразующих себя человека и человечества.

ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

Формирование духовности как углубления в себя, постижения сущности человека

и человечества, а также направленности на выход за свои пределы, стремления к возвышенному требуют от субъекта деятельности по трансформации себя: «Духовностью называют поиск, практическую деятельность, опыт, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования, необходимые для достижения истины, для самоопределения. Точнее, духовность – духовно-практическая (не утилитарная) деятельность по самосозиданию, самоопределению, духовному росту человека. Без нее невозможны ни самостоянье человека, ни величие его» (Зинченко, 2003, с. 86). В современной научной литературе воплощение в одном феномене деятельностных, саморефлективных и трансцендентных компонентов представлено в категории «духовно-практическое знание». Общим социогуманитарным контекстом его разработки послужили размышления М. Фуко (2007) и П. Адо (2005), а конкретно-психологическим – публикации А.В. Брушлинского (см.: Брушлинский, 2006). Основой научных взглядов названных ученых стали два принципиальных соображения:

1) для понимания мира, познания истины субъект не может оставаться таким, какой он есть: достигнув высшего уровня активности, целостности, автономности, человек должен еще преобразоваться, превзойти самого себя;

2) познание неразрывно связано с деятельностью, а декларативное знание (знаю «что») – процедурным знанием (знаю «как»).

Из этих оснований в психологии развивается не субъектный, а субъектно-деятельностный подход А.В. Брушлинского. В философии – идущее от античных мыслителей и творчески развитое М. Фуко и П. Адо представление о том, что наша собственная жизнь является произведением, которое мы должны создать. Способами создания являются «практики себя» (Фуко, 2007) и «духовные упражнения» (Адо, 2005). Действия, направленные

на самоизменение, поиски, практику, опыт, М. Фуко называет духовностью. «Духовная практика подразумевает и то, что можно назвать структурой трансформации сознания, и то, что можно отнести к технике его трансформации. Техника духовных практик – это способы и методы воздействия на сознание, управляющие его состояниями» (см.: Максимова, 2013, с. 123). Именно в этом контексте, объединяя два ключевых понятия: «духовность» и «практика», следует говорить о духовно-практическом знании.

Для раскрытия содержания и смысла понятия «духовно-практический» необходимо обратиться прежде всего к феномену «духовное знание» (Фуко, 2007). М. Фуко полагал, что без обращения взгляда субъекта вовнутрь, без постижения себя, без духовных усилий, направленных на собственное преобразование, возможно получение только познавательного (когнитивного) знания. Познанию внешнего мира теоретически противостоит духовное знание, которое является пониманием человека, его души, внутреннего мира. Главное, что нужно для его возникновения, – это изменение, перемещение взгляда: на мир и на себя. Смещение взгляда позволяет увидеть вещи иначе и одновременно оценить их. Кроме того, духовное знание построено на таком самонаблюдении и самопонимании, в котором субъект становится способным «уловить себя самого в своей реальности», увидеть себя, как он есть на самом деле. Духовное знание – атрибут не познания, а бытия человека в мире: «Субъект не только открывает для себя свою свободу, но и находит в ней форму существования, приносящую ему все счастье и совершенство, на которые он способен» (Там же, с. 335).

Духовное знание отличается от познавательного, отражающего внешний мир, но ничего не меняющего в самом познающем субъекте. Категория «духовное знание» очень созвучна с рубинштей-

новским пониманием человека не только как субъекта познания и действия, но и как субъекта этического и эстетического отношения. Последнее формируется благодаря «онтологизации» человеческой жизни, человеческого способа существования. Познавательное знание абстрактно или конкретно отражает мир, а духовное и неразрывно связанное с ним духовно-практическое указывают, как можно познавать и действовать в ходе преобразования эмпирической, социокультурной и экзистенциальных реальностей. Кроме того, в таком знании образ мира виден сквозь призму человеческих потребностей и интересов. Духовно-практическое знание учит нас тому, как относиться к миру человека, другим людям и самому себе.

Таким образом, направленность субъекта на приобщение к необыденным формам бытия проявляется в необходимых для этого практических действиях, техниках, упражнениях. Согласно П. Адо, духовные «упражнения являются творчеством не только мысли, но всей психики индивида; оно особенно раскрывает настоящий масштаб этих упражнений: благодаря им, индивид возвышается к жизни объективного Духа, то есть снова помещает себя в перспективу Всего (“увекочить себя, себя превосходя”)» (Адо, 2005, с. 22). Духовные упражнения необходимы для преобразования бытия и, соответственно, видения мира субъектом. «Следовательно, они обладают не только моральной, но также и экзистенциальной ценностью. Речь не идет о кодексе хорошего поведения, но об образе бытия в глубочайшем смысле термина. Название “духовные упражнения” в общем-то оказалось наилучшим, потому что оно означает, что речь как раз идет об упражнениях, вовлекающих в себя весь ум» (Там же, с. 67). Духовные упражнения П. Адо рассматривает как практики, направленные на формирование души и полное изменение бытия.

Примером такой практики является ценностное духовное совладание с тяжелым

заболеванием. В его психологической основе лежит желание «изменения образа жизни, преображения, если угодно, желание обновления, серьезных, быть может, фундаментальных перемен в жизни, а не просто временных заплат и текущего ремонта» (Василюк, 2014, с. 147). Другой пример – понимание произведений искусства. Процесс понимания-постижения «художественных произведений – это не только процесс восстановления, возобновления, возрождения смысла, это еще и постоянное творение самой способности понимания – *творение понимающего субъекта*. Своим произведением художник лишь открывает перспективу творческих актов смыслообразования. В цепи этих актов формируются и трансформируются смыслообразующие способности людей» (Порус, 2016, с. 94).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Духовность – самое человеческое в человеке – является комплексным и даже системным феноменом. Духовность отличает нас от животных, а высшие проявления человеческого духа неотделимы от прогрессивного развития человечества. Духовность нельзя свести ни к одной из названных выше ее составляющих. Холистичность обсуждаемого феномена проявляется в том, что его стороны не существуют сами по себе. Парадокс в том и состоит, что ни деятельность, ни межперсональность, ни трансценденция – это еще не духовность. Они есть только тогда, когда образуют духовность – отличное от своих компонентов единое целое. Еще раз хочу подчеркнуть, что для меня духовность не тождественна ни религиозности, ни нравственности – она в равной мере присуща всем людям, верующим и атеистам. В духовности, во-первых, интегрируются, объединяются интеллектуальные и нравственные устремления субъекта. Во-вторых, и, может быть, это главное в психологиче-

ском описании этого феномена, духовные устремления человека отражают его попытки выйти за пределы обыденной жизни и прикоснуться к иным, более глубоким и одновременно возвышенным уровням человеческого бытия. Духовные состояния противостоят материальной природе человека и мира: к вершинам духовного бытия субъект поднимается в редкие моменты интеллектуальных озарений и разрешения нравственно трудных этических конфликтов. Способы разрешения противоречий, конфликтов, являясь мерой проявления активности, самореализации, интегративности конкретных свойств личности, определяют те индивидуально-неповторимые качества человека, в которых он выражает себя именно как субъект — деятельности, общения, созерцания, постижения и т.п. В такие моменты в его личностном знании, индивидуальном опыте саморазвития появляется нечто большее, чем «приземленный» образ, модель внешних событий: возникает их внутренний смысл — психологическая основа формирования духовной сущности того, что стало предметом интеллектуальной и нравственной рефлексии субъекта.

Итак, новый взгляд на духовность человека заключается в рассмотрении ее как такого трехкомпонентного психического образования, возникновение которого имеет метаперсональные, деятельностные и духовно-практические основания. Разумеется, эта модель духовности пока является теоретической и требует эмпирического обоснования.

1. *Августин А.* Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М.: Ренессанс, 1991.
2. *Адо П.* Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб.: Степной ветер; ИД «Коло», 2005.
3. *Брушлинский А.В.* Избр. психол. труды. М.: ИП РАН, 2006.
4. *Бурявлева Н.А.* Понятие «духовность» в современной психологии // Вест. Томского гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 12 (114). С. 189–193.
5. *Бычков В.В.* О духовности в искусстве // Вопр. филос. 2018. № 5. С. 76–87.
6. *Василюк Ф.Е.* Типы духовного совладания // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 5. С. 139–151.
7. *Гомперц У.* Непонятное искусство. От Моне до Бэнкси. М.: Синдбад, 2017.
8. *Григорова И.Р.* Проблема духовности в психологии // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического ун-та. Серия: Педагогика. Психология. 2018. № 1 (11). С. 102–106.
9. *Де Чикко Т.* Найти Я в психологии, духовности и религии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 4. С. 46–52.
10. *Зинченко В.П.* Деятельность. Знание. Духовность // Высшее образование в России. 2003. № 5. С. 81–91.
11. *Зинченко В.В.* Миры сознания структура сознания // Вопр. психол. 1991. № 2. С. 15–37.
12. *Знаков В.В.* Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопр. психол. 1998. № 3. С. 104–114.
13. *Кандинский В.В.* О духовном в искусстве. М.: Эксмо, 2018.
14. *Карпов А.Б.* Психология деятельности: В 5 т. М.: РАО, 2015. Т. 1: Метасистемный подход.
15. *Колкунова К.А., Малевич Т.В.* Понятие «духовность» в современной российской литературе // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. 2014. Сер. I. № 6 (56). С. 72–88.
16. *Леонтьев А.Н.* Некоторые проблемы психологии искусства // Избр. психол. произв.: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 232–239.
17. *Леонтьев Д.А.* Илья Пригожин и психология XXI века // Психол. журн. 2018. Т. 39. № 3. С. 5–14.
18. *Максимова Е.В.* Духовная практика как предельная «практика себя» // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 73. Т. 1. С. 122–125.
19. *Малевич К.С.* Мир как беспредметность. М.: Эксмо, 2016.
20. *Малькова М.А.* Анализ категории «духовность» с позиции религии и светской науки // Несторовские чтения. Современные тенденции сохранения семьи и общества в свете наследия святых отцов. Мат-лы III международных научно-образовательных чтений, посвященных дню памяти преподобного Нестора Летописца (27–28 ноября 2017 г.). Луганск: Центр Нестора Летописца, 2018. С. 168–176.
21. *Ожиганова Г.В.* Духовные способности как ресурс жизнедеятельности. М.: ИП РАН, 2016.
22. *Порус В.Н.* Что значит «понять» художественный текст? // Вопр. филос. 2016. № 7. С. 84–96.
23. *Руткевич Е.Д.* От «религиозности» к «духовности»: европейский контекст // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2014а. № 1. С. 5–25.

24. Руткевич Е.Д. «Социология духовности»: проблемы становления // Вестн. Ин-та социологии. 2014б. № 2 (9). С. 36–65.
 25. Самосознание: мое и наше. К постановке проблемы // Отв. ред. Ф.Т. Михайлов. М.: Ин-т философии РАН, 1997.
 26. Слободчиков В.И. Индивидуальность как способ духовного бытия человека // Социальная педагогика. 2014. № 6. С. 77–86.
 27. Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015.
 28. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
 29. Фуко М. Управление собой и другими: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
 30. Христианская психология в контексте научного мировоззрения: коллективная монография / Под ред. проф. Б.С. Братуся. М.: Никея, 2017.
 31. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
 32. Ясман Л.В., Ясман В.П. Духовность как метасистемное свойство самоорганизации внутреннего мира человека // Психол. наука и образование. 2011. № 3. С. 1–10.
 33. Barry C.M. et al. Religiosity and spirituality during the transition to adulthood / Barry C.M., Nelson L., Davarya S., Urry S. // Intern. J. of Behav. Devel. 2010. V. 34. N 4. P. 311–324.
 34. Çetinkaya B., Azak A., Dündar S.A. Nurses' perceptions of spirituality and spiritual care authors // Australian J. of Advanced Nursing. 2013. V. 31. N 1. P. 5–10.
 35. Davis D.E. et al. Relational spirituality and the development of the similarity of the offender's spirituality scale / Davis D.E., Worthington Jr. E.L., Hook J.N., Van Tongeren D.R., Green J.D., Jennings II D.J. // Psychology of Religion and Spirituality. 2009. V. 1. N 4. P. 249–262.
 36. Ebadi A. et al. Spirituality: A key factor in coping among Iranians chronically affected by mustard gas in the disaster of war / Ebadi A., Ahmadi F., Ghanei M., Kazemnejad A. // Nursing and Health Sciences. 2009. V. 11. N 4. P. 344–350.
 37. Farias M., Hense E. Concepts and misconceptions in the scientific study of spirituality // Spalek B., Imtoul A. (eds). Religion, spirituality and the social sciences: Challenging marginalization. Bodmin: The Policy Press, 2008. P. 163–176.
 38. Huber II J.T., MacDonald D.A. An investigation of the relations between altruism, empathy, and spirituality // J. of Humanistic Psychol. 2012. V. 52. N 2. P. 206–221.
 39. Ivtzan I. et al. Linking religion and spirituality with psychological well-being: examining self-actualisation, meaning in life, and personal growth initiative / Ivtzan I., Chan C.P. L., Gardner H.E., Prashar K. // J. of Religion and Health. 2013. V. 52. N 3. P. 915–929.
 40. King D.B., DeCicco T.L. A viable model and self-report measure of spiritual intelligence // The Intern. J. of Transpersonal Studies. 2009. V. 28. N 2. P. 68–85.
 41. King D.B., Mara C.A., DeCicco T.L. Connecting the spiritual and emotional intelligences: Confirming an intelligence criterion and assessing the role of empathy // Intern. J. of Transpersonal Studies. 2012. V. 31. N 2. P. 11–20.
 42. MacDonald D.A., Friedman H.L. Assessment of humanistic, transpersonal, and spiritual constructs: State of the science // J. of Humanistic Psychol. 2002. V. 42. N 4. P. 102–125.
 43. Mara C.A., DeCicco T.L., Stroink M.L. An investigation of the relationships among self-construal, emotional intelligence, and well-being // The Intern. J. of Transpersonal Studies. 2010. V. 29. N 1. P. 1–11.
 44. Moberg D.O. Spirituality research: measuring the immeasurable? // Perspectives on Science and Christian Faith. 2010. V. 62. N 2. P. 99–114.
 45. Murray K.M., Ciarrocchi J.W., Murray-Swank N.A. Spirituality, religiosity, shame and guilt as predictors of sexual attitudes and experiences // J. of Psychol. and Theol. 2007. V. 35. N 3. P. 222–234.
 46. Pappas J. The veridicality of nonconventional cognitions: Conceptual and measurement issues in transpersonal psychology // The Humanistic Psychologist. 2004. V. 32. N 2. P. 169–197.
 47. Salem M.O. et al. Spiritual and religious imagery in dreams: A cross cultural analysis / Salem M.O., DeCicco T.L., Ragab M.A., Yousif S., Murkar A., Vaswani M. // Intern. J. of Dream Research. 2013. V. 6. N 2. P. 94–97.
 48. Saroglou V. et al. Prosocial behavior and religion: New evidence based on projective measures and peer ratings / Saroglou V., Pichon I., Trompette L., Verschuere M., Dernelle R. // J. for the Scientific Study of Religion. 2005. V. 44. P. 323–348.
- References in Russian:**
1. Avgustin A. Ispoved' Blazhennogo Avgustina, episkopa Gipponского. М.: Renessans, 1991.
 2. Ado P. Duhovnye uprazhneniya i antichnaya filozofiya. М.; СПб.: Stepoj veter; ID «Kolo», 2005.
 3. Brushlinskij A.V. Izbrannye psikhologicheskie trudy. М.: Institut psikhologii RAN, 2006.
 4. Buravleva N.A. Ponyatie «duhovnost'» v sovremennoj psikhologii // Vestnik Tomского gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2011. Vyp. 12 (114). S. 189–193.
 5. Bychkov V.V. O duhovnosti v iskusstve // Vopr. filos. 2018. N 5. S. 76–87.

6. *Vasilyuk F.E.* Tipy duhovnogo sovladaniya // Konsul'tativnaya psikhologiya i psihoterapiya. 2014. N 5. S. 139–151.
7. *De Chikko T.* Najti Ya v psikhologii, duhovnosti i religii // Psikhologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki. 2007. T. 4. N 4. S. 46–52.
8. *Gomperc U.* Neponyatnoe iskusstvo. Ot Mone do Behnksi. M.: Sindbad, 2017.
9. *Grigorova I.R.* Problema duhovnosti v psikhologii // Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. 2018. N 1 (11). S. 102–106.
10. *Zinchenko V.P.* Deyatel'nost'. Znanie. Duhovnost' // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2003. N 5. S. 81–91.
11. *Zinchenko V.P.* Miry soznania i struktura soznania // Vopr. psikhol. 1991. N 2. S. 15–37.
12. *Znakov V.V.* Duhovnost' cheloveka v zerkale psikhologicheskogo znaniya i religioznoj very [Human spirituality mirrored in psychological knowledge and in religious faith] // Vopr. psikhol. 1998. N 3. S. 104–114.
13. *Kandinskij V.V.* O duhovnom v iskusstve. M.: E, 2018.
14. *Karpov A.B.* Psikhologiya deyatel'nosti. V 5 t. T. I: Metasistemnyj podhod. M.: RAO, 2015.
15. *Kolkunova K.A., Malevich T.V.* Ponyatie «duhovnost'» v sovremennoj rossijskoj literature // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. 2014. Ser. I. N 6 (56). S. 72–88.
16. *Leontiev A.N.* Nekotorye problemy psikhologii iskusstva // Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya: V 2 t. T. 2. M.: Pedagogika, 1983. S. 232–239.
17. *Leontiev D.A.* Il'ya Prigozhin i psikhologiya XXI veka // Psikholog. zhurn. 2018. T. 39. N 3. S. 16–14.
18. *Maksimova E.V.* Duhovnaya praktika kak predel'naya «praktika sebya» // Vestn. Novg. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2013. N 73. T. 1. S. 122–125.
19. *Malevich K.S.* Mir kak bespredmetnost'. M.: E, 2016.
20. *Mal'kova M.A.* Analiz kategorii «duhovnost'» s pozicii religii i svetskoj nauki // Nestorovskie chteniya. Sovremennye tendencii sohraneniya sem'i i obshchestva v svete naslediya svyatyh otcov. Materialy III mezhdunarodnyh nauchno-obrazovatel'nyh chtenij, posvyashchennyh dnyu pamyati prepodobnogo Nestora Letopisca (27–28 noyabrya 2017 g.). Lugansk: Centr Nestora Letopisca, 2018. S. 168–176.
21. *Ozhiganova G.V.* Duhovnye sposobnosti kak resurs zhiznedeyatel'nosti. M.: Institut psikhologii RAN, 2016.
22. *Porus V.N.* Chto znachit «ponyat'» hudozhestvennyj tekst? // Vopr. filos. 2016. N 7. C. 84–96.
23. *Rutkevich E.D.* Ot «religioznosti» k «duhovnosti»: evropejskij kontekst // Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya. 2014a. N 1. S. 5–25.
24. *Rutkevich E.D.* «Sociologiya duhovnosti»: problemy stanovleniya // Vestnik Instituta sociologii. 2014b. N 2 (9). S. 36–65.
25. Samosoznanie: moe i nashe. K postanovke problemy // Otv. red. F.T. Mihajlov. M.: Institut filosofii RAN, 1997.
26. *Slobodchikov V.I.* Individual'nost' kak sposob duhovnogo bytiya cheloveka // Social'naya pedagogika. 2014. N 6. S. 77–86.
27. *Smirnov A.V.* Soznanie. Logika. Yazyk. Kul'tura. Smysl. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2015.
28. *Fuko M.* Germenevtika sub"ekta: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1981–1982 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2007.
29. *Fuko M.* Upravlenie soboj i drugimi. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1982–1983 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2011.
30. Hristianskaya psikhologiya v kontekste nauchnogo mirovozzreniya: kollektivnaya monografiya / Pod red. prof. Bratusya B.S. M.: Nikeya, 2017.
31. *Shiompka P.* Sociologiya social'nyh izmenenij. M.: Aspekt-Press, 1996.
32. *Yassman L.V., Yassman V.P.* Duhovnost' kak meta-sistemnoe svojstvo samoorganizacii vnutrennego mira cheloveka // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2011. N 3. S. 1–10.

Поступила в редакцию 30. VI 2018 г.

as humanity, life, mind or cosmos. In meta-personal self-interpretation the subject feels a link to all humanity, feels himself part of the natural and social worlds. From this standpoint psychologists look for sources of spirituality not only in a person's inner world, but also in interpersonal interactions, on the juncture of different value and meaning orientations of communicating people. Besides interpersonal interactions and transcendence, spirituality requires theoretical and practical activity. By means of activity the subject discovers inner characteristics of objects, releasing himself from "captivity of things". In the process of activity, particularly esthetic, man gives them life and endows them with personal meanings and values. Therefore art is an essential instrument for both cognizing human existence and development of the spiritual self of a self-cognizing person. Formation of spirituality as penetration inside oneself, discovering the essence of man and humanity, orientation towards transcendence of self require self-transformation which is activated with the help of spiritual and practical knowledge.

Key words: subject, spirituality, transcendence, spiritual and practical knowledge.

New research tendencies in psychology of spirituality

V.V. Znakov

*Institute of Psychology of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia*

The author analyzes non-religious aspects of spirituality characteristic of all people, believers and non-believers, and presents a new understanding of human spirituality as a three-component mental formation possessing meta-personal, activity and spiritual-practical foundations. Studies of spirituality in the last two decades demonstrate a growing interest in the problem on the part of social humanitarian science. The author cites various definitions and describes models of spirituality, arguing that spirituality, as the most human part of a human being setting him apart from other living beings, is a complex and systemic phenomenon. It is whole and integral, therefore there is no point in looking for it in separate components of the mental: interpersonal space, subject-subject interactions, transformations of a person's inner world or transcendence. The ironic part is that neither activity, nor interpersonalism, nor transcendence is spirituality. Each only becomes part of spirituality while interacting with the others, when they form a whole different in content from all mentioned components of the mental analyzed in psychological studies. In contemporary psychology there is a notion of meta-personal self-interpretation of the subject. It is defined as identity transcending limits of the individual self and embracing wider aspects of existence, such